

Г.К. Кокебаева* , Е.И. Стамшалов

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: kokebayeva@gmail.com

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗАХСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Несмотря на закрытость советского общества, население СССР отличалось высокой степенью внутренней миграции, границы между советскими республиками никогда не служили барьерами для миграции, выполняя только административную функцию. Изучение проблем возвращения казахских беженцев из среднеазиатских республик в 30-х годах XX в. способствует определению степени управляемости миграционного процесса в СССР и выяснению основных причин обратной миграции. Данная статья нацелена на проведение анализа социально-экономических предпосылок решения проблемы миграции казахов в среднеазиатские республики и их возвращения в период модернизации экономики СССР. Исследование опирается как на первичные, так и на вторичные материалы, полученные из библиотек и архивов. Основными источниками изучения истории обратной миграции казахов из среднеазиатских советских республик стали документальные источники, обнаруженные в архивах постсоветских стран, большинство которых еще не введен в научный оборот. Проблема беженства и обратной миграции здесь рассматривается как составная часть разработанной советскими властями программы модернизации социально-экономической системы страны. Форсированная коллективизация сопровождалась принудительным переводом кочевых хозяйств на оседлость, и лишённые значительной части своих стад кочевники нарушили динамику своих миграций бегством за пределы Казахстана. Внутренний миграционный процесс советского периода характеризуется масштабными перемещениями населения, как добровольными, так и вынужденными, которые были обусловлены мерами экономической и административной политики для удовлетворения спроса на рабочую силу в индустриализирующейся экономике

Ключевые слова: коллективизация, беженство, вынужденная миграция, откочевка, реэвакуация, обратная миграция.

G.R. Kokebayeva*, Y.I. Stamshalov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: kokebayeva@gmail.com

Return of kazakh refugees from central asian republics during the period of soviet economic modernisation

Despite Soviet society's closed nature, the USSR's population was characterized by a high degree of internal migration. The borders between Soviet republics never served as barriers to migration, functioning solely as administrative boundaries. The study of the challenges faced by Kazakh refugees returning from Central Asian republics in the 1930s contributes to understanding the degree of control over migration processes in the USSR and identifying the main reasons for reverse migration. This article aims to analyze the socio-economic prerequisites for addressing the migration of Kazakhs to the Central Asian republics and their return during the period of economic modernization in the USSR. The research relies on primary and secondary materials from libraries and archives. Documentary sources discovered in the archives of post-Soviet states, many of which have yet to be introduced into academic circulation, have become the primary resources for studying the history of the reverse migration of Kazakhs from the Central Asian Soviet republics. The issue of refugeehood and reverse migration are considered an integral part of the program developed by Soviet authorities to modernize the country's socio-economic system. Forced collectivization was accompanied by the coerced transition of nomadic households to a sedentary lifestyle. Deprived of a significant portion of their livestock, the nomads disrupted their migration patterns by fleeing beyond the borders of Kazakhstan. The internal migration process during the Soviet period was characterized by large-scale population movements, both voluntary and forced, driven by economic and administrative policies aimed at meeting the demand for labor in the industrializing economy.

Key words: collectivization, refugeehood, forced migration, otkochevka, re-evacuation, reverse migration.

Г.К. Кокебаева*, Е.И. Стамшалов

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: kokebayeva@gmail.com

Қазақ босқындарының экономиканы кеңестік жаңғырту кезеңінде Орта Азия Республикаларынан оралуы

Кеңестік қоғамның жабық сипатына қарамастан, КСРО халқы ішкі көші-қонның жоғары деңгейімен сипатталды, кеңестік республикалар арасындағы шекаралар әкімшілік функцияны орындай отырып, ешқашан көші-қонға кедергі болған жоқ; XX ғасырдың 30-жылдарындағы Орта Азия республикаларынан қазақ босқындарының елге оралу мәселелерін зерттеу. КСРО-дағы көші-қон процесінің басқарылу дәрежесін анықтауға және кері көші-қонның негізгі себептерін анықтауға көмектеседі. Бұл мақала КСРО экономикасын жаңғырту кезеңінде қазақтардың Орта Азия республикаларына қоныс аударуы және олардың елге оралуы мәселесін шешудің әлеуметтік-экономикалық алғышарттарын талдауға бағытталған. Зерттеу кітапханалар мен мұрағаттардан алынған негізгі және қосалқы материалдарға сүйенеді. Қазақтардың Орта Азия Кеңестік республикаларынан елге оралу көші-қонының тарихын зерттеудің негізгі дереккөздері посткеңестік елдердің мұрағаттарынан табылған, көпшілігі әлі ғылыми айналымға енгізілмеген құжаттық дереккөздер болды. Мұнда босқындар мен оралмандар миграциясы мәселесі Кеңес өкіметі өзирлеген елдің әлеуметтік-экономикалық жүйесін жаңғырту бағдарламасының құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады. Күштеп ұжымдастыру көшпелі шаруашылықтарды отырықшы мемлекетке күштеп көшірумен қатар жүрді, ал малының едәуір бөлігінен айырылған көшпелілер Қазақстаннан тыс жерлерге қашып қалыпты көшу динамикасы бұзылды. Кеңестік кезеңдегі ішкі көші-қон процесі индустрияланатын экономикадағы жұмыс күшіне сұранысты қанағаттандыру үшін экономикалық және әкімшілік саясаттың ықпалымен жүргізілген халықтың ерікті де, мәжбүрлі де ауқымды қозғалысымен сипатталды.

Түйін сөздер: ұжымдастыру, босқын, мәжбүрлі көші-қон, ауа көшу, реэвакуация, кері көші-қон

Введение

Распад советской системы был одним из самых важных событий XX века. Он не только изменил политическую географию мира, но и создал множество новых возможностей и проблем как для новых независимых государств и автономных образований, которые возникли на территории бывшей крупной империи, так и для международного сообщества в целом. Постсоветский ландшафт еще не устоялся после этой огромной трансформации, и все еще наблюдается напряжение в межгосударственных отношениях. Поскольку новые независимые государства стремятся преодолеть огромные трудности, связанные с государственным строительством, деколонизацией, экономическим расстройством и переходом к новым политическим и экономическим системам, многочисленные этнические конфликты и случаи масштабного перемещения населения в различных частях этого огромного региона свидетельствуют о сохраняющейся нестабильности и опасном потенциале для дальнейших потрясений и еще больших кризисов. Международные эксперты и политики, также и средства массовой информации стали воспринимать эти перемещения населения постсоветских стран как абсолютно новое явление, вызванное

исключительно распадом СССР и его последствиями. Однако этническая напряженность и массовые перемещения населения не являются чем-то новым для этого региона. Несмотря на закрытость советского общества, население СССР отличалось высокой степенью внутренней миграции, границы между советскими республиками никогда не служили барьерами для миграции, выполняя только административную функцию. Мобильность населения регулировалась системой регистрации (прописки), хотя эта система не сильно сдерживала миграцию, но с этого момента внутренняя миграция стала управляемым процессом. Изучение проблем возвращения казахских беженцев из среднеазиатских республик в 30-х годах XX в. способствует определению степени управляемости миграционного процесса в СССР и выяснению основных причин обратной миграции. Данная статья нацелена на проведение анализа социально-экономических предпосылок решения проблемы миграции казахов в среднеазиатские республики и их возвращения в период модернизации экономики СССР. Проблема беженцев здесь рассматривается как составная часть разработанной советскими властями программы модернизации социально-экономической системы страны.

Материалы и методы

Исследование опирается как на первичные, так и на вторичные материалы, полученные из библиотек и архивов. Основными источниками изучения истории обратной миграции казахов из среднеазиатских советских республик стали документальные источники, обнаруженные в архивах постсоветских стран, большинство которых еще не введен в научный оборот. В статье использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Туркестанской области Республики Казахстан (ГАТО РК), Центрального государственного архива Кыргызской Республики (ЦГА КР), Центрального государственного архива общественно-политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ОПД КР). Архивные материалы отражают статистику беженцев из Казахстана в среднеазиатские республики, действия центральных партийных и правительственных органов СССР по возвращению беженцев в Казахстан в связи с осуществлением модернизации экономики страны и другие аспекты миграционного процесса.

Изучение выбранной нами проблемы базируется на системном подходе: исследуемый объект рассматривается как часть сложно организованной системы. Наиболее эффективной теоретической схемой для наших исследований является предложенная И.И. Моисеевым анализ развивающейся системы с точки зрения действия двух механизмов – бифуркационных и адаптационных (Моисеев, Александров, Тарко, 1985:31-32). В качестве бифуркационного механизма мы рассматриваем массовое беженство казахов в среднеазиатские республики, и программы советской власти по возвращению казахов выступают как адаптационный механизм.

В исследовании применяются причинно-следственный анализ и структурно-функциональный метод. Причинно-следственный анализ – это метод целостного изучения общественной реальности, поиск причин и следствий, он позволяет проблематизировать описание прошлого с позиции науки, превратить повествование в исследование. Структурно-функциональный метод позволяет раскрыть зависимости между изменениями разных сторон объекта и понять механизмы его развития. Посредством этого метода мы выявляем взаимную обусловленность

процесса советской экономической модернизации и вынужденной миграции населения Казахстана, также и причины обратной миграции.

Обзор литературы

Изучаемая нами проблема не была предметом специального научного исследования, лишь отдельные аспекты темы затрагивались в монографиях и статьях, в которых авторы ставили и решали другие исследовательские задачи. В исследованиях советских ученых раннего периода миграция казахов за пределы Казахстана характеризуется как «позорное явление», причиной которого были «ошибки партийных организаций» (Ром, Ряднин, 1934: 3–6). Известный советский историк, специалист по аграрной истории А.Б.Турсунбаев исследовал историю развития сельского хозяйства Семиречья в имперский и советский периоды. В его монографии также проявляется идеологический настрой советской эпохи, в ней крестьянским протестам против коллективизации посвящены несколько абзацев, и они рассматриваются как результаты агитации богатых слоев с целью борьбы против коллективизации (Турсунбаев, 1950). Обвинение богатых слоев казахского общества в организации откочевок продолжалось и в работах последнего десятилетия существования советской власти (Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985:193). Проблема беженства казахов в период советской коллективизации впервые была поднята в работе Ж.Жумабекова (Жумабеков, 1973:201). Активное изучение истории казахского беженства 30-х годов началось в результате работы комиссии по изучению и оценке советской насильственной коллективизации и политических репрессий. Заключение комиссии содержит сведения о численности казахов, бежавших от голода и притеснения в зарубежные страны (Қолдан жасалған қасірет, 1992). Историки, включенные в состав комиссии, получили возможности работать с архивными документами, не доступных для рядовых исследователей, и это придало новый импульс исследованиям по истории насильственной коллективизации (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992; Омарбеков, 1994; Алдажуманов, 1998). В работе Т.Омарбекова, опубликованной в 2003 году в качестве учебного пособия, одна глава была посвящена проблеме казахских беженцев (Омарбеков, 2003). Тема массового переселения казахов в советские республики Средней Азии был затронут в работах казахстанского историка Г.М. Мендикуловой, посвящен-

ной истории казахской диаспоры (Мендикулова, 1997; Мендикулова, 2006). Непосредственное отношение к изучаемой нами теме имеет диссертация Б.С.Жумагулова, где на основе анализа материалов архива КНБ исследовано восстание казахов Адаевского округа против аграрной политики советской власти, которое привело впоследствии к бегству восставших в соседние республики (Жумагулов, 1999). Определенный научный интерес представляет документальное повествование А. Нуралиева, касающееся истории казахов в Таджикистане (Нуралиев, 2017).

История беженства казахов в Западный Сибирь, вызванное последствиями советской модернизации сельского хозяйства в 30-х годах XX в. Сиало центральной темой монографии М.Мальшевой и В.Познаньского (Мальшева, Познаньский, 1999). Авторы данной монографии, изучая материалы о казахском беженстве, выразили возражение против обозначения этой группы беженцев как «откочевники» (Мальшева, Познаньский, 1999:8). В период независимости основным объектом изучения стала проблема миграции казахов в зарубежные страны, в частности в Китай. В монографии Н. Н. Аблажей тщательно проанализированы геополитические, социально-экономические причины бегства казахов, уйгуров и дунган из Казахстана в Китай от репрессий в период коллективизации и в последующем их возвращение на свою историческую Родину из-за преследований китайских властей (Аблажей, 2014).

Недавно вышла коллективная монография, посвященный истории миграции казахов в республики Средней Азии и в Россию в период голода 30-х годов (Құдайбергенова и др., 2022). Также в опубликованном одноименном сборнике собраны архивные документы и материалы о положении казахских беженцев в республиках Средней Азии (XX ғасырдың 30-жж. басындағы жаппай ашаршылық, 2022). Миграция казахов в изучаемый нами период связан с проблемой катастрофического голода начала 30-х годов. Эта тема в настоящее время стала основной проблемой исследований современных зарубежных и отечественных исследователей. Р. Киндлер, привлекая обширную источниковую базу, рассматривает политику советской власти в Казахстане, кампанию перевода кочевников на оседлость, коллективизацию, страшный голод 1931–1933 гг., его причины и последствия (Kindler, 2014). С. Камерон, используя в своей книге обширный документальный материал из архивов России и Казахстана, также и воспоми-

нения выживших, последовательно анализирует социально-экономическую историю Казахстана в конце XIX – начале XX в., отношение советских властей к кочевому образу жизни и его эволюцию на протяжении 1920-х годов, кампанию 1928 года против казахской элиты, развертывание коллективизации в Казахстане и, наконец, собственно политику властей в период голода, в том числе репрессии против местного населения (Cameron, 2018).

Как видно из краткого историографического обзора, самым изучаемым аспектом истории беженства казахов является массовое бегство населения Казахстана в зарубежные страны, в том числе Китай. Менее интенсивным, нам кажется, осталось исследование вопросов возвращения беженцев на родину (за исключением Китая).

Результаты и обсуждение

Политика советской власти, включавшая в себя масштабные экономические социальные и культурные преобразования, принесла экономический и социальный прогресс. Но поскольку эта политика осуществлялась путем принуждения и репрессий, она привела к огромным страданиям, потере неисчислимых миллионов жизней и принудительному перемещению людей в огромных масштабах. В декабре 1925 года советская власть провозгласила курс на индустриализацию, которая ставила своей целью укрепление промышленного потенциала страны в условиях экономической автаркии и противостояния капиталистическому миру. С началом реализации плана индустриализации экономика всех регионов СССР была подчинена общесоюзным органам управления. Это привело к утверждению волюнтаризма в определении приоритетов и темпов развития экономики, директивному планированию и командно-административным методам управления экономикой, что означало жесткую централизацию управления не только экономикой, но и всей страной, когда все хозяйственные мощности и природные ресурсы союзных и автономных республик управлялись из союзного центра. Ускоренная индустриализация требовала мобилизации всех ресурсов страны, деревни и аулы рассматривались как важнейший источник средств финансирования промышленности. С началом индустриализации был взят курс на проведение коллективизации сельского хозяйства, задачей которых провозглашалось осуществление социалистических преобразований в аграрном секторе. Крестьян загоняли в

колхозы, более обеспеченных депортировали вместе с семьями в отдаленные регионы; принудительный труд использовался для удовлетворения растущего спроса на рабочую силу для реализации плана ускоренной индустриализации и регионального развития, был создан огромный комплекс исправительно-трудовых лагерей, целые этнические группы были депортированы в Сибирь и Среднюю Азию, население приграничных регионов бежало в соседние республики и зарубежные страны.

Начавшаяся еще в 1929 году форсированная коллективизация сопровождалась принудительным переводом кочевых хозяйств на оседлость, и лишённые значительной части своих стад кочевники нарушили динамику своих миграций бегством за пределы Казахстана. Жители восточных и других приграничных регионов Казахстана отправлялись в поисках лучшей доли в Китай, западных и северных областей – в Россию, южных и юго-восточных областей – на территорию среднеазиатских республик. Как отмечает историк Г. Кендирбай, «казахи в конце концов стали полусоседными в пределах своей республики, но это стоило им потери 42 процентов своего населения, сотни тысяч из которых мигрировали, а около двух миллионов умерли от насилия и голода» (Kendirbai, 2008:77). В период коллективизации и катастрофического голода 1 030 000 человек оказались за пределами Казахстана, из них в Казахстан вернулись 414 000 человек, остальные остались в чужбине (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992:30).

Массовое бегство казахов в Среднюю Азию началось в 1930 году. В специальной сводке Полномочного Представительства Объединённого Государственного Политического Управления об итогах откочевки населения Казахстана от 27 февраля 1931 года указано: «С весны 1930 г. по январь 1931 г. по далеко неполному учету откочевками по КАССР внутри и за его пределами было охвачено всего 34 577 хозяйств. Из них байских – 1 014 хозяйств, середняцких – 1 817, бедняцких – 2 167, колхозников – 54 хозяйства и неподразделенных по имеющимся данным преобладающее большинство относится к группам бедноты и середняков. Откочевки имели характер внутренних, внешних и закордонных. Внутренние проводились путем перекочевки внутри Казахстана из одного района в другой, внешние – за пределы Казахстана и соседние районы РСФСР и Средне-Азиатские республики (Узбекистан, Туркменистан) и закордонные – в Китай» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1.

Д.5076. Л.2). Откочевки за пределы Казахстана квалифицировались представителями местными органами советской власти как происки богатых слоев населения, «провокацией байства», результатом развернутой классовой борьбы на скотозаготовительном фронте. Однако приведенные здесь сводки ОГПУ показывают, что значительную долю в числе казахских беженцев составляют бедные и средние слои¹. Когда стало ясно, что ускоренное создание коллективных хозяйств грозит катастрофой, советские центральные органы предприняли тактический ход, вся вина за создавшееся положение возложили на исполнителей – местных работников. Так, например, в директиве Казахского краевого комитета ВКП(б) Южно-Казахстанскому обкому ВКП(б) от 17 марта 1932 года указывалось: «Организация кулачеством и байством откочевки является одним из методов классовой борьбы антисоветских элементов Казахстана, в частности националистических группировок, работа которых смыкается с деятельностью контрреволюционных элементов в республиках Средней Азии. Однако было бы ошибочным объяснять массовые откочевки исключительно работой кулацких и антисоветских элементов и снимать ответственность за это с местных районных и аульных работников и организаций. Помощь кулацким и антисоветским элементам в этом деле оказывают правые оппортунисты, а также «леваки» – проводники голого администрирования, допускающие явные перегибы по отношению колхозных и единоличных бедняцко-середняцких масс аула и деревни. Грубые искажения директив партии в работе низовых организаций, проявления махрового правого уклона на практике, наличие перегибов и голого администрирования при проведении хозяйственно-политических кампаний, совершенно недостаточное развертывание массово-политической работы, недопустимая слабость работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, значительное оживление работы остатков кулачества и байства и прочих антисоветских элементов, широко использующих всякие ошибки и недочеты в целях срыва проводимых мероприятий по укреплению социалистического сектора сельского хозяйства, – все это вызвало в ряде районов Южно-Казахстанской обл. массовые от-

¹ Среди казахских беженцев было много беспризорных детей, история организации детских домов для детей-сирот требует отдельного специального исследования, поэтому в данной статье этот вопрос не рассматривается.

кочевки колхозников и единоличников в соседние республики Средней Азии. Крайком предлагает Южно-Казахстанскому обкому принять немедленно решительные меры к предупреждению и полной ликвидации откочевок населения за пределы республики» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 11–12). По сведениям сектора учета и статистики Народного комиссариата финансов Казахской АССР, к 5 августа 1931 года в Туркменистан выехало 7371 хозяйств, Узбекистан – 3436 хозяйств, Каракалпакию – 2355 хозяйств, в Киргизию – 1031 хозяйств, в Таджикистан – 1767 хозяйств (ЦГА РК Ф. 2297. Оп. 3. Д. 196. Л. 106).

Первые группы казахских беженцев на территории Туркменистана появились в конце 1930 года. 23 декабря 1930 года Особый отдел Полномочного представительства ОГПУ сообщил в Казахский краевой комитет ВКП(б) о том, что казахи-скотоводы из Ново-Богатинского и Мангистауского районов бывшего Гурьевского округа направляются в Туркмению (АП РК.Ф.141. Оп.1. Д. 2952. Л.152). Главное политическое управление (ГПУ) Туркменистана в конце марта 1931 года направило в Казанджик 85-й дивизион войск ОГПУ, по прибытии которого начались аресты казахских баев и агитация среди беженцев по возвращению их обратно в Казахстан (Алланиязов, 2006:25; Аннаоразов, 2022: 248). 15 апреля 1931 года Казахский краевой комитет ВКП(б) и Совет Народных комиссаров Казахской АССР обратились в Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) Туркменской ССР и Киргизский областной комитет ВКП(б) с просьбой принять «самые решительные меры против укочевавших из Казахстана баев, организаторов откочевки как по линии нажима по налогу, твердыми заданиями, так и репрессиями по линии ГПУ» (АП РК.Ф.141. Оп. 1. Д. 5062. Л. 10).

По сведениям Полномочного Представительства Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) осенью 1931 года в Куны-Ургенчском районе Туркменистана находились 1278 казахских хозяйств с наличием скота, и все эти откочевники были из рода Адай (Младший жуз) (АП РК. Ф.141. Оп. 17. Д. 465. Л. 9). Казахские беженцы оказались в крайне тяжелом положении, отсутствие хлеба и потребительских товаров вынудило их продавать скот, получая за них гроши, например верблюдов продается за 100 рублей, бараны за 15–30 рублей. Прибывшая на место в конце октября этого года Казахская правительственная комиссия под ру-

ководством Абдоллы Асылбекова ознакомившись с положением беженцев, сделала вывод, что возвращение их на прежнее место жительства в данное время в связи с наступлением холодов и крайнего истощения скота, отсутствием достаточных средств передвижения, юрт и теплой одежды обратная откочевка пока невозможна, они до весны должны оставаться в этом же районе Туркмении и просила местные власти заботиться о казахских беженцах до их отбытия в свой родные края. Однако Полномочное представительство ОГПУ отправляет главе Казахского краевого комитета ВКП(б) Ф.И. Голощекину другое сообщение: «Прибывшая на место в конце октября с. г. (1931 г.-авторы) Казахская правительственная комиссия в лице секретаря КазЦИКа А. Асылбекова и других товарищей, ознакомившись с положением откочевников, сделала вывод, что провести водворение их на прежнее место жительства в данное время, связи с наступлением холодов и крайнего истощения скота не возможно и внесла предложение ЦК ВКП(б) Туркменистана принять казахских откочевщиков на постоянное жительство в Куны-Ургенчском районе с переводом их в гражданство Туркменистана, приняв меры к сохранению скота откочевщиков и снабжению их промтоварами широкого потребления. ЦК ВКП(б) Туркменистана категорически отказался от этого и потребовало немедленной откочевки казахов в свои районы» (АП РК. Ф.141. Оп. 17. Д. 465а. Л.9). В действительности, комиссия А. Асылбекова просила о временном содержании казахских беженцев в Туркмении, что подтверждается его телеграммой Секретарю Среднеазиатского бюро Центрального Комитета РКП(б) Б.А. Семенову о том, что казахи должны были подготовлены обратной откочевке, местные работники вместо выполнения этого решения объявили их гражданами Туркмении, обязывали их платить налоги (РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 2540. Л.197-199).

Побывавшие среди казахских беженцев уполномоченные Народного комиссариата земледелия Казахской АССР писали свои отчеты касательно сложившиеся обстановки. В переписке с уполномоченными отмечается, что в данное время у переселившихся имеется только «худой скот» – верблюды и лошади, чтобы кормить семью большинство казахов занимаются извозом и продажей на базаре некоторых видов кустарников на топливо, живут они очень бедно, «бедняцкая часть населения имеет желания возвращаться обратно», однако в данное время в связи истощением скота, отсутствием теплой

одежды беженцы от переброски отказываются (ЦГА РК. Ф.74.Оп.10. Д.173. Л.82).

Власти Туркмении опасались вовлечения казахских беженцев в антисоветскую борьбу и требовали немедленного их возвращения в Казахстан, в телеграмме, отправленной в Среднеазиатское бюро ВКП (б), они писали, что «казахские кочевники являются основной теперь питательной базой басмачества», «решительно настаиваем воздействовать через ЦК ВКП на Казкрайком, чтобы были приняты действительные меры откочевки казахов немедленно» (РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 2540. Л.201). Таким образом, вопрос устройства казахов в Куне-Ургенчском районе или возвращения их на прежнее место жительства остался неразрешенным, что еще больше усугубило и без того бедственное положение беженцев.

Предварительно получив согласие центральных органов власти, Совет Народных Комиссаров Казахской АССР принял решение переселить из Ташаузского района Туркменистана в Пахта-Аральский район «2000 семей адаевцев, оказавшихся в чрезвычайно тяжелом положении и совершенно необеспеченных продовольствием» (ЦГА РК. Ф.74. Оп. 10. Д.173. Л.4). Кроме того, это переселение было связано также кампанией превращения Пахта-аральского района в центр развития хлопководства в Казахстане (ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.49). Для обеспечения переселенцев продовольствием были выделены 51 135 рублей, для оборудования помещений в Пахта-Аральском районе – 100 000 рублей из расчета по 50 рублей на одного хозяйства, на организацию различных видов транспорта – 322 000 рублей (ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.6-7). Уполномоченные Совета Народных комиссаров и Народного комиссариат земледелия Казахской АССР получили подробную инструкцию по проведению широкой массовой разъяснительной работы, они должны были объяснить возвращенцам цели и условия переселения – «переход от кочевого образа жизни к оседлому ведению коллективного хозяйства на базе возделывания хлопка или постоянной работе в хлопковых совхозах». Уполномоченным поручалась еще до переезда к новым местам возвращенцы были объединены в колхозы, и чтобы руководящие организации этих колхозов (или инициативные группы) провели возможную работу по сбору собственных средств в виде вступительных и паевых взносов (ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.14).

К 1 марта 1932 года в составе первой группы переселенцев отправились в Пахта-Аральский

район 210 хозяйств, переселение адаевцев в Пахта-Аральский район продлился больше запланированного срока, к концу кампании переселения в Казахстан откочевали всего 666 хозяйств (ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.200. Л.32). По сведениям Народного комиссариата земледелия Казахской ССР, за 6 месяцев работы казахстанской вербовочной бригады в Туркменистане фактически переселено в Пахта-Аральский район всего 23,5% хозяйств первоначального планового задания, и учитывая находящихся еще в пути возвращенцев, план переселения был выполнен на 40%. Из числа прибывших возвращенцев были созданы 3 колхоза и ТОЗ (Товарищества по совместной обработке земли) (ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.200. Л.52-54).

Силовые методы осуществления коллективизации привели к волнениям и протесту среди населения Казахстана, в марте-ноябре 1931 года в Адаевском округе произошло восстание, после подавления которого местное население группами бежало в соседние республики и зарубежные страны. Около 3 тысяч хозяйств казахских беженцев в ноябре 1931 оказались на территории Каракалпакии, это были в основном выходцы из Челкарского, Табынского, Аральского, Уильского и Мангистауского районов (Восстание, 2010:10). В архивных документах и научной литературе отсутствует точная статистика казахского беженства в Узбекистане, в том числе и в Каракалпакии. По сведениям, приведенным в письме Турара Рыскулова Иосифу Сталину от 9 марта 1933 года, в Каракалпакии оказались 20 тысяч казахов. «Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшие расстояния и при наличии скота), – пишет Рыскулов, – а в значительной части бегство голодных людей в поиске пропитания» (Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992:33).

В конце августа 1933 года в Каракалпакскую АССР прибыла правительственная комиссия Казахстана под председательством Сейткали Мендешева, которая должна была организовать реэвакуацию казахских беженцев. Комиссия подготовило к возвращению в 8000 казахов, они должны были отправиться в Казахстан по реке Амударья на пароходах отдельными группами, представитель комиссии должен был встретить их на территории Казахстана и расселить по районам свеклосеяния Южно-Казахстанской, Алма-тинской и Актюбинской областей. Однако правительственная комиссия Казахстана не имела ни денежных, ни продовольственных запасов, ни нарядов на перевозку по водному пути Аральско-

го флота, а местные власти не спешили оказывать помощь в этом нелегком деле. На 7 октября 1933 года на пристанях Кара-Узек количество ожидающих паровозов возросло до 2000 человек, Кунграде 800 человек и Ходжейли 220 человек. Долгое ожидание и нехватка продовольствия привели к трагическим последствиям, среди откочевников в силу антисанитарных условий и недоедания, начались случаи смертности: на 19 сентября на пристани Кара-Узек зарегистрировано 18 случаев смертности и 4 случая в пути на эту пристань. Аналогичные явления отмечались и на других пристанях. Несмотря на объективные причины случившегося, заместитель Полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии обвинил Мендешева в бездействии (РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 55). Возникшее разногласие между властями Каракалпакии и комиссией Сейткали Мендешева касалось определения численности подлежащих к реэвакуации казахских беженцев. В особом решении обкома ВКП(б) и правительства Каракалпакской АССР от 13 ноября 1933 года указывалось: «главной причиной создавшегося тяжелого положения на пристанях Кара-Узек и Ходжейли при отправке откочевников является недостаточно организованная работа комиссии товарища Мендешева, которая вопреки решениям ОК и СНК ККАССР об отправке только неприустроенных казаков в количестве 900 хозяйств, а также несмотря на предупреждение о том, чтобы быть осторожным в своей работе, дабы не вызвать массово-стихийный наплыв на пристани, все же допустили грубейшие ошибки в своей работе, выразившаяся в вербовке казаков путем джарчи на базарах, без учета наличия транспорта, продовольствия и дифференцированного подхода к каждому хозяйству откочевников» (РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 64). Однако в этих разборах между властями Каракалпакии и казахстанской комиссии не учитывалась еще одна причина создавшегося положения: в информационном докладе заместителя председателя областной контрольной комиссии ВКП(б) Каракалпакской АССР Народному комиссару Рабоче-крестьянской инспекции СССР Я.Э. Рудзутаку от 16 ноября 1933 отмечалось, что руководство Речного флота подходило к этому вопросу с точки зрения узковедомственных соображений, оно потребовало немедленного расчета за оказанные услуги, что послужило задержке отправки беженцев (РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 66). В действительности, казахские беженцы из всех уголков Средней Азии стремились в Каракалпакию в

надежде, что успеют попасть в транспорт, провозивший беженцев в Казахстан. В январе 1934 года в Каракалпакии сосредоточились 15 616, в марте – 21 680, в мае – 45 221 казахских беженцев, в детских домах жили 2357 беспризорников. Вся эта масса людей скопились на пристанях Аму-Дарьи и у Аральского моря (Ходжейли, Кантаузьяк, Кунград, Муйнак, КараУзьяк), таким образом Каракалпакия стала основным пунктом для перехода из Узбекистана и Туркмении в Казахстан, уход беженцев из других районов Узбекистана и Туркмении был связан также и тем, что до приезда казахстанской комиссии в Узбекской и Туркменской республиках казахские хозяйства совершенно не обеспечивались продовольствием и хозяйственным устройством (РГАСПИ. Ф.62. Оп. 2. Д. 3239. Л. 10-14).

Реэвакуация беженцев требовала значительных финансовых средств и вмешательства союзных и федеративных (российских) центральных органов. Правительство РСФСР 9 августа 1934 года утвердило правила реэвакуации казахских беженцев, которые обязывали правительственные органы Казахстана и Каракалпакии проводить реэвакуацию в добровольной основе и трудоустроить оставшихся беженцев в колхозах и других советских хозяйствах Каракалпакии. Совет Народных Комиссаров Казахской АССР принял решение о переселении в 1934 году 6000 хозяйств казахских беженцев из Каракалпакии в Южно-Казахстанской и Алма-Атинской областях (ГАТО РК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 325. Л. 19). В июне 1934 года около 7000 хозяйств казахских беженцев, вернувшихся из Каракалпакии, устроились в трех областях Казахстана: 2150 – в хлопководческих районах и 4800 в районах свекловодства (ГАТО РК. Ф.121. Оп.1. Д.325.Л.24). Правительство Казахской АССР придавало большое значение проблеме хозяйственного устройства переселенцев – вовлечению их в производственную жизнь колхозов, закреплению переселенцев, как полноправных членов колхоза, оказанию им повседневной помощи (ГАТО РК. Ф.126. Оп. 1. Д. 318. Л. 1-2). Оставшиеся в Каракалпакии и Туркмении казахские беженцы были устроены в колхозах и вскоре адаптировались к местным условиям и влились в местное общество.

Массовая откочевка казахов в Киргизию в основном произошла в период голода 30-х годов. Определить численность казахских беженцев в Киргизии невозможно ввиду отсутствия статистических материалов в архивах. В специальной сводке Полномочного представительства

ОГПУ по Казахской АССР от 27 февраля 1931 г. указано, что в 1930-1931 гг. в Киргизию откочевало из Меркенского р-на – 30 хозяйств, из Биен-Аксуйского – 78 хозяйств, массовые откочевки в Киргизию (без указания количества откочевавших) отмечались из Энбекши-Казахского и Курдайского районов (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5076. Л. 1-12). Примерно к середине 1933 года СНК Киргизской АССР подготовил докладную записку в СНК РСФСР, где приведены следующие сведения: «За последние два года с территории Казакстана, главным образом Южной его части, прикочевало около 30-35 тысяч хозяйств казаков-откочевников в пределы Киргизской Республики, в районы Северной и Южной ее части. Эти хозяйства в своем абсолютном большинстве не только не имеют необходимой производственной базы для ведения хотя бы кочевого и полукочевого хозяйства, но и совершенно не имеют какого-либо имущества. Не имея перспектив на дальнейшее улучшение своего материального положения, при осуществлении какой-либо возможности восстановить материальное положение или обеспечить себе прожиточный минимум путем заработка в местах нового поселения в силу крайне физического истощения и почему вынуждены вести нищенский образ жизни...» (ЦГА КР. Ф.23. Оп.1. Д.720. Л.21-24).

25 февраля 1932 г. председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской АССР Ю. Абдрахманов написал И. Сталину: «Около Фрунзе вырос 2-й город – город юрт казахских граждан, переселившихся сюда от... голода и нищеты. Это результат работы Филиппа. Только ли его? У Маркса есть замечательное указание: капиталистически развитые страны с его, капитализма, болезнями (разорение народных масс, кризис, безработица и т. д.) только показывают будущность тех стран, которые идут к этому. Так не показывает ли участь казаков и будущность киргиз? Похоже на то...» (Абдрахманов, 1991:184-185). Как видно из письма, Ю. Абдрахманов в создавшемся положении обвиняет секретаря Казахского краевого комитета ВКП (б) Ф.И. Голощекина. Действительно, руководство партийной организации Казахстана массовое беженство пострадавших от ускоренной седентаризации и голода казахов в соседнюю республику оценивает как протест богатых и зажиточных кочевников. 19 февраля 1932 года Казахский крайовой комитет ВКП (б) проводит заседание и выносит решение просить Среднеазиатское ЦК ВКП(б) и Киргизский областной комитет «оказать содействие по изъятию откочевавшего населения баев и ру-

ководителей откочевок и содействовать добровольному возвращению бедняков и середняков в Казакстан; привлечь к партийной ответственности и очистить советские учреждения и учебные заведения Казакстана от националистических и группировочных элементов – казаков» (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6403. Л.25). Сначала толпы обнищавших и изможденных, опухших от голода и замерзших людей со своим жалким скарбом и детьми не вызвали сочувствия и у кыргызских властей. Первый секретарь Киргизского областного комитета ВКП (б) А.О.Шахрай в своем письме, направленном секретарю Казахского краевого комитета ВКП (б) Ф.И.Голощекину, требует немедленной присылки казахской правительственной комиссии для организации реэвакуации бедняцко-средняцких хозяйств к месту прежнего жительства (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6403. Л.26). По решению Казахского краевого комитета ВКП (б) в места сосредоточения казахских беженцев в Киргизии были отправлены уполномоченные, они проводили разъяснительные работы среди беженцев, организацией помощи голодающим и больным, поиском возможностей возвращения казахов в старые места жительства. Центральные и местные власти Киргизии организовали учет казахских беженцев в республике, выделяли продовольствие для голодающих. Однако, как отмечает кыргызский ученый З.К. Курманов, назначенные для голодных беженцев хлеб «разворовывался, потому что в стране бушевал голод, и люди обезумели от него, а выполнение планов хлебозаготовок при этом продолжали требовать, как и прежде; загружали этими планами даже голодающих беженцев, отчего местные руководители пытались избавиться от них, становящихся для них лишней обузой, что приводило к новым конфликтам и трагедиям...» (Ашаршылык, 2023:27).

Одним из способов решения вопроса казахских беженцев было использование их в строительных работах, предусмотренных планом индустриализации. 2 ноября 1932 года в Ташкенте в заседании Средне-азиатского бюро ЦК ВКП(б) обсуждали вопрос «О состоянии Вахшского ирригационного строительства», и было принято решение обязать центральные партийные органы Киргизии и Таджикистана оказать максимум содействия по вербовке рабочей силы для Вахшстроя, использовав при этом казахских беженцев (ЦГА ОПД КР. Ф.10. Оп.1. Д.422. Л.125). Возвращение первой партии казахских беженцев из Киргизии было завершено весной 1933 года. Определенная часть вернув-

шихся из среднеазиатских республик беженцев отправили на строительство Турксиба. 10 мая 1933 года заместитель председателя Совета Народных комиссаров РСФСР Т. Рыскулов отправил телеграмму на имя председателя СНК Киргизской ССР с требованием прекратить выселения казахов из пределов Киргизии (ЦГА КР. Ф.23. Оп.1. Д.720. Л.46). Оставшиеся в Киргизии беженцы осели в колхозах и кишлаках, центральные партийные и правительственные органы выделяли продукты и средства, пока они не были трудоустроены.

Заключение

В результате коллективизации сельского хозяйства государство получило возможность без особых усилий изымать из колхозов произведенную продукцию для вывоза за границу в обмен на технику, необходимую для индустриализации. Однако массовый уход населения из засиженных мест показал иллюзорность политики создания крупных коллективных хозяйств в сельской местности, особенно в районах, где

проживали народы со своей традиционной организацией ведения хозяйства. Советской властью традиционное казахское хозяйство рассматривалось как некая застывшая форма, которая изменяется только под воздействием внешних обстоятельств или причин экономического и политического характера. Политика советской власти в национальных окраинах, проявлявшаяся в виде оседания и коллективизации, привела к разрушительным последствиям.

Советская миграционная политика была сосредоточена в основном на внутренней миграции с целью перераспределения рабочей силы. Миллионы людей перемещались между советскими республиками, поскольку государство пыталось регулировать внутреннюю миграцию, прежде всего, стимулируя переселение в малонаселенные регионы со значительными запасами природных ресурсов, в том числе в Казахстане и Средней Азии. В последующие периоды стимулирование миграционных потоков советским правительством во имя экономических и политических нужд усилило этническую напряженность в республиках.

Литература

- Абдрахманов Ю. (1991). 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: «Кыргызстан». 1991. 156 с.
- Аблажей Н.Н. (2014). Казахский миграционный маятник «Казахстан-Циньцзян»: эмиграция – репатриация – интеграция. Караганды: «Болашақ-Баспа», 2014. 273 с.
- Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: «Арыс», 1998. 428 с.
- Алланиязов Т. К. (2006). Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март-октябрь 1931 года). Алматы. ОО «OST XXI век», 2006. 260 с.
- Аннаоразов Д.С. (2022). «Басмаческое движение» в Туркменистане – продолжение Гражданской войны 1918-1920 гг. Научная монография. Ашхабад: IKSAD, 2022. 327 с.
- АП РК [Архив Президента Республики Казахстан] Ф. 141. Оп. 1. Д.5076. Л.2.
- АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 11-12
- АП РК.Ф.141. Оп.1. Д. 2952. Л.152
- АП РК.Ф. 141. Оп. 1. Д. 5062. Л. 10.
- АП РК. Ф.141. Оп. 17. Д. 465. Л. 9.
- АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6403. Л.25-26.
- Ашаршылык в Казахстане: казахские беженцы в Кыргызстане 1932-1933 гг. Сборник документов и материалов (2023). / Сост. Кызаева Д.Ш. (отв. сост.), Курманов З.К., Абдрахманов А.Ю. Бишкек: ИП «Сарыбаев Т.Т.», 2023. 314 с.
- Восстание адаевцев в 1931 году. Сборник документов. (2010). Т.2. Алматы: Нурлы Әлем, 448 с.
- ГАТО [Государственный архив Туркестанской области] Ф. 121. Оп. 1. Д. 325. Л. 19
- ГАТО РК. Ф.121. Оп.1. Д.325.Л.24
- ГАТО РК. Ф.126. Оп. 1. Д. 318. Л. 1-2.
- Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. (1985). История крестьянство Советского Казахстане. Алма-Ата: «Наука». 247 с.
- XX ғасырдың 30-жж. басындағы жаппай ашаршылық кезеңіндегі Орталық Азия республикалары мен Ресейдегі казак босқындары: орналасуы мен бейімделуі (2022). Архив құжаттары мен материалдар жинағы /Құраст.. Құдайбергенова А.И., т.б. Алматы: «Мадияр» ЖК. 410 б.
- Жумабеков Ж. (1973). Ленинской дорогой. Руководство КПСС вовлечением трудового крестьянства Казахстана в строительство социализма. Алма-Ата: «Казахстан», 289 с.
- Жұмағұлов Б.С. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922-1933 ж.ж.) 07.00.02. Отан тарихы. Т.ғ.к. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы, 1999. 157 б.

- Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. (1992). Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата: АН РК. 36 с.
- Қолдан жасалған қасірет, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесі Төралқасы комиссиясының қорытындысы // Егемен Қазақстан, 22 желтоқсан, 1992 жыл. 8 б.
- Кұдайбергенова А.И. және басқалар (2022) XX ғасырдың 30-жж. басындағы жаппай ашаршылық кезеңіндегі Орталық Азия республикалары мен Ресейдегі қазақ босқындары. Ұжымдық монография. Алматы: «Мадияр» ЖК, 2022. 259 б.
- Малышева М., Познанский В. Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири (1931-1934). Алматы: Ғылым, 1999. 536 с.
- Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. 264 с.
- Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006. 343 с.
- Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. (1985). Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М.: Наука, 272 с.
- Нуралиев А. Тәжікстандағы қазақтар. Астана: ЖК «Дәнебекова, 2017. 184 б.
- Омарбеков Т. Зобалаң (Күштеп ұжымдастыруға қарсылық): Оқу құралы. Алматы: «Санат», 1994. 272 б.
- Омарбеков Т. Қазақстан тарихының XX ғасырдағы өзекті мәселелері. Көмекші оқу құралы. Алматы: «Өнер», 2003. 552 б.
- РГАСПИ [Российский государственный архив социально-политической истории] Ф.62. Оп.2. Д. 2540. Л.197-199.
- РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 2540. Л.201.
- РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 55.
- РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 64.
- РГАСПИ. Ф.62. Оп.2. Д. 3135. Л. 66.
- РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3239. Л. 10-14.
- Ром Я. М., Ряднин М.С. (1934). Всеказахстанское дело. Алма-Ата: Казпартиздат. 93 с.
- Турсунбаев А.Б. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата: Издательство академии наук Казахской ССР. 1950. 182 с.
- ЦГА КР [Центральный государственный архив Кыргызской Республики] Ф.23. Оп.1. Д.720. Л.46.
- ЦГА КР. Ф.23. Оп.1. Д.720. Л.21-24.
- ЦГА ОПД КР [Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики] Ф.10. Оп.1. Д.422. Л.125).
- ЦГА РК [Центральный государственный архив Республики Казахстан] Ф. 229. Оп. 3. Д. 196. Л. 106.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.82.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп. 10. Д.173. Л.4.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.49.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.6-7.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.173. Л.14.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.200. Л.32.
- ЦГА РК. Ф.74. Оп.10. Д.200. Л.52-54.
- Cameron S. (2018). The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca; London: Cornell University Press. 294 p.
- Kendirbai G. (2008). Challenging Colonial Power: Kazak Cadres and Native Strategies // *Inner Asia*, Vol. 10. No. 1. Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies. 260 p.
- Kindler R. (2014). Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition. 384 s.

References

- Abdrakhmanov Y. (1991). 1916. Dnevniki. Pis'ma k Stalinu [1916. Diaries. Letters to Stalin]. Frunze: "Kyrgyzstan", 156 p. [In Russian]
- Ablazhei N.N. (2014). Kazakhskii migratsionnyi maiatnik Kazakhstan- Sin'tsian: emigratsia – repatriatsia – integratsia [The Kazakh Migration Pendulum: Emigration – Repatriation – Integration between Kazakhstan and Xinjiang]. Karaganda: Bolashak. 273 p. [In Russian]
- Allaniazov T.K. (2006). Krasnye Karakumy. Ocherki istorii bor'by s antisovetskim povstancheskim dvizheniem v Turkmenistane (mart-oktiabr' 1931 goda) [Red Karakum. Essays on the history of the fight against the anti-Soviet insurgent movement in Turkmenistan (March-October 1931)]. Almaty: OO "Ost XXI vek",. 260 p. [In Russian]
- Aldazhumanov K. Krest'yanskoye dvizheniye soprativleniya [Peasant resistance movemen] // *Deportirovannyye v Kazakhstan narody: vremya i sud'by*. Almaty: «Arys», 1998. 428 p. [In Russian]
- Annaorazov D.S. (2022). «Basmacheskoye dvizheniye» v Turkmenistane – prodolzheniye Grazhdanskoy voyny 1918-1920 gg. Nauchnaya monografiya ["Basmachi movement" in Turkmenistan – a continuation of the Civil War of 1918-1920. Scientific monograph]. Ashkhabad: IKSAD. 327 p. [In Russian]
- AP RK [Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan] F.141 Op.1 D.5076 L. 2. [In Russian]
- AP RK F.141 Op.1 D.5076 L. 2. [In Russian]

- AP RK F.141 Op.1 D.5192 L. 11-12. [In Russian]
 AP RK F.141 Op.1 D.2952 L. 152. [In Russian]
 AP RK F.141 Op.1 D.5062 L. 10. [In Russian]
 AP RK F.141 Op.1 D.465a L. 9. [In Russian]
 AP RK F.141 Op.1 D.6403 L. 25-26. [In Russian]
 Asharshylyk, 2023 – Asharshylyk v Kazakhstane: kazakhskiy bezhentsy v Kyrgyzstane 1932-1933 gg. Sbornik dokumentov i materialov / Sost. Kyzayeva D.SH. (otv. sost.), Kurmanov Z.K., Abdrakhmanov A.Y. [Asharshylyk in Kazakhstan: Kazakh refugees in Kyrgyzstan 1932-1933. Collection of documents and materials / Comp. Kyzayeva D.Sh. (responsible compiler), Kurmanov Z.K., Abdrakhmanov A.Yu.] Bishkek: IP «Sarybayev T.T., 2023. 314 p. (In Russian)
 Vosstaniye, 2010 – Vosstaniye adayevtsev v 1931 godu. Sbornik dokumentov. T.2. [The uprising of the Adaevites in 1931. Collection of documents.]. Almaty: Nurly Әлем, 2010. 448 p. (In Russian and Kazakh)
 GATO RK [Gosudarstvennyy arkhiv Turkestanskoy oblasti] F.121 Op.1 D.352 L. 19. [In Russian]
 GATO RK F.121 Op.1 D.352 L. 24. [In Russian]
 GATO RK F.126 Op.1 D.318 L. 1-2. [In Russian]
 Dakhsheylger G.F., Nurpeisov K.N. (1985). Istoria krest'iznstva v Kazakhstane (History of the Peasantry of Soviet Kazakhstan). Alma-Ata: Nauka. 247 p. (In Russian)
 XX ғасырдың 30-жж. басындағы жәппай ашаршылық кезеңіндегі Орталық Азия республикалары мен Ресейдегі қазақ босқындары: орналасу мен беімделуі (2022). Архив құжаттары мен материалдар жинағы /Құраст.. Құдайбергенова А.І., т.б. [Kazakh refugees in the Central Asian republics and Russia during the period of mass famine in the early 30s of the 20th century / A.I. Kudaibergenova, etc.] Almaty: «Madiar» JK, 2022. 410 b. (In Kazakh)
 Jumabekov Zh. (1943) Leninskoi dorogoi. Rukovodstvo KPSS vovlecheniem trudovogo krest'ianstva v stroitel'stvo sotsializma (Along Lenin's Path. The Leadership of the CPSU in Involving the Working Peasantry of Kazakhstan in the Construction of Socialism). Alma-Ata: Kazakhstan. 289 p. (In Russian)
 Jumaғұлов B.S. Кеңес өкіметінің аграрлық саясаты және Адай көтерілісі (1922-1933 ж.ж.) [Agrarian policy of the Soviet government and the Adai uprising] 07.00.02. Отан тарихы. Т.ғ.к. ғылыми дәрежесін алw үшін дайындалған диссертация. Almaty, 1999. 157 b. (In Kazakh)
 Kozybayev M.K., Abylkhozhin ZH.B., Aldazhumanov K.S. (1992). Kollektivizatsiya v Kazakhstane: tragediya krest'yanstva [Collectivization in Kazakhstan: the tragedy of the peasantry.] Alma-Ata: AN RK. 36 p. (In Russian)
 Qoldan jasalğan qasiret, Qazaqstan Respublikası Joғарғы Кеңесі Төралқасы комиссиясының қоритндısı // Egemen Qazaqstan, 22 jeltosqan, 1992. 8 b. (In Kazakh)
 Kudaibergenova A.I. және басқалар (2022) XX ғасырдың 30-жж. басындағы жәппай ашаршылық кезеңіндегі Орталық Азия республикалары мен Ресейдегі қазақ босқындары. Ұжымдық монография. [Kazakh refugees in the Central Asian republics and Russia during the period of mass famine in the early 30s of the 20th century / A.I. Kudaibergenova, etc.] Almaty: “Madiyar” Publishing House. 259 p. (In Kazakh)
 Malysheva M., Poznan'skiy V. Kazaxi-bezhentsy ot goloda v Zapadnoy Sibiri (1931-1934) [Kazakh refugees from famine in Western Siberia]. Almaty: Gylym, 1999. 536 s. (In Russian)
 Mendikulova G.M. Istoricheskiye sud'by kazakhskoy diaspory. Proiskhozhdeniye i razvitiye [Historical destinies of the Kazakh diaspora. Origin and development]. Almaty: Gylym, 1997. 264 s. (In Russian)
 Mendikulova G.M. Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost'. [Kazakh diaspora: history and modernity] Almaty: Vsemirnaya Assotsiatsiya kazakhov, 2006. 343 s. (In Russian)
 Moiseyev N.N., Aleksandrov V.V., Tarko A.M. (1985). Chelovek i biosfera. Opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami [Man and the Biosphere. Experience of Systems Analysis and Experiments with Models]. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russian)
 Nuralyev A. Tajikstandaғы қазақтар. [Kazakhs in Tajikistan]. Astana: JK «Danebekova, 2017. 184 b. (In Kazakh)
 Omarbekov T. Zobalañ (Küştep ujımdastırwға qarsılıq) [(Resistance to Forced Collectivization):] Oqw quralı. Almatı: «Sanat», 1994. 272 b. (In Kazakh)
 Omarbekov T. Qazaqstan tarixınıñ XX ғасырдағы özekti мәseleleri [Actual Problems of the History of Kazakhstan in the 20th Century]. Kömekşi oqw quralı. Almatı: «Öner», 2003. 552 b. (In Kazakh)
 RGASPI [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii] F.62 Op.2 D.2540 L. 197-199. [In Russian]
 RGASPI F.62 Op.2 D.2540 L. 201. [In Russian]
 RGASPI F.62 Op.2 D.3135 L. 55. [In Russian]
 RGASPI F.62 Op.2 D.3135 L. 64. [In Russian]
 RGASPI F.62 Op.2 D.3135 L. 66. [In Russian]
 RGASPI F.62 Op.2 D.3239 L. 10-14. [In Russian]
 Rom YA. M., Ryadnin M.S. (1934). Vsekazakhstanskoye delo [An all-Kazakhstan affair]. Alma-Ata: Kazpartizdat. 93 p. (In Russian)
 TsGA KR [Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Kyrgyzskoy Respubliki] F.23 Op.1 D.720 L. 46. [In Russian]
 TsGA KR F.23 Op.1 D.720 L. 20-21. [In Russian]
 TsGA OPD KR [Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy dokumentatsii Kyrgyzskoy Respubliki] F.10 Op.1 D.422 L. 125. [In Russian]
 TsGA RK [Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan] F.229 Op.1 D.196 L. 106. [In Russian]
 TsGA RK F.74 Op.10 D.173 L. 82. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.173 L. 4. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.173 L. 49. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.173 L. 6–7. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.173 L. 14. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.200 L. 32. [In Russian]

TsGA RK F.74 Op.10 D.200 L. 52–54. [In Russian]

Tursunbayev A.B. Velikiy perelom v sel'skom khozyaystve Semirech'ya [The Great Turning Point in Agriculture in Semirechye]. Alma-Ata: Izdatel'stvo akademii nauk Kazakhskoy SSR. 1950. 182 s. (In Russian)

Cameron S. (2018). The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca; London: Cornell University Press. 294 p.

Kendirbai G. (2008). Challenging Colonial Power: Kazak Cadres and Native Strategies // Inner Asia. Vol. 10. No. 1. Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies. 260 p.

Kindler R. (2014). Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition. 384 s.

Сведения об авторах:

Көкебаева Гүлжаухар Какеновна – Доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения факультета истории, КазНУ им. аль-Фараби

Стамшалов Еркін Имангазиевич – кафедра всемирной истории, историографии и источниковедения факультета истории, КазНУ им. аль-Фараби

About the author

Kokebaeva Gulzhauhar Kakenovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History, Historiography and Source Studies of the Faculty of History, Al-Farabi Kazakh National University

Stamshalov Erkin Imangazievich – Department of World History, Historiography and Source Studies, Faculty of History, Al-Farabi Kazakh National University

Автор туралы ақпарат

Көкебаева Гүлжаухар Какеновна – тарих ғылымдарының докторы, әл-Фараби ат. ҚазҰУ, тарих факультеті, дүниежүзі тарихы, тарихнама және деректану кафедрасының профессоры.

Стамшалов Еркін Имангазиевич – әл-Фараби ат. ҚазҰУ, тарих факультеті, дүниежүзі тарихы, тарихнама және деректану кафедрасы.

Поступила: 09.01.2025

Принята: 28.02.2025